

Арина Амстердам

ДРОЖЖИ

одна беспокойная ночь
двух женщин и столько же мужчин

12+

Арина Амстердам

Дрожжи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67371279

SelfPub; 2022

Аннотация

Юмористический рассказ. Одна беспокойная ночь двух женщин и столько же мужчин.

Арина Амстердам

Дрожжи

После полутора месяцев лирических свиданий Стас, наконец, привёз её к себе домой.

Её звали Леночка, она была хрупка, нежна, училась в Гнесинке и вела себя в целом так, словно выросла в английском пансионе. Сначала Стаса это раздражало, но больше смешило. Нет, раздражало всё-таки больше. Настолько, что все эти полтора месяца каждое свидание он мысленно объявлял для себя последним. Но по необъяснимым причинам его влекло к ломаче-Леночке. В ней не было ничего по-настоящему плохого, а за прелестной дуристостью манер таился сильный характер и верность прекрасному, не сдающая позиций под гнётом повсеместной бесцеремонности. Стас этого толком не понимал, но ощущал какое-то неодолимое уважение и странную жажду причастности.

И всё же было в ее изысканной отрешенности что-то страшно бесячее. Стас злился на себя, на Леночку, рисовал себе ее манеры как смехотворную картонную клоунаду, жаловался на неё сестре и даже выживающему из ума деду. Да он даже в кино ее в первый раз позвал по большей части для того, чтобы убедиться, что эта сумасшедшая ест ножом

и вилкой даже попкорн!

Увы, оказалось, леди попкорн не едят вовсе. Стас был разочарован, и всё же вздохнул с облегчением.

Чтобы избавиться от наваждения, он даже стал ходить на тиндерные свидания, но проблемы это не решало, на каждом из них он думал о Леночке, любые сравнения заканчивались в ее пользу, и вскоре стало очевидно: Стас влюбился.

Стас влюбился, как не влюблялся уже лет десять. Глупо, наивно, киношно. Леночка знала все про английский высший свет, Стас же знал, что воспитание её тут ни при чём: она выросла на окраине Красновишерска, в двухэтажном, донельзя аварийном доме, с прогорклым подъездом и палисадником, украшенным одиноким лебедем из автопокрышки. Однако Леночка с детства бредила этикетом – и равных ей в знании вопроса не было. Никакого английского воспитания, никакого пансиона в предместье Лондона: время от времени проскальзывающий говорок выдавал ее вполне отечественные корешки. В такие моменты случайных оговорок Леночка краснела и становилась еще прелестнее. Все это не имело никакого значения, а может, и решающее: короче, Стас влюбился. Проклинаая себя на чем свет стоит, он смотрел на неё с умилением и думал "Моя странная баба!"

Стайки птеродактилей кружили в его животе, даже тупой ТикТок быстро нащупал его, стасову, слабину и принялся

то и дело подбрасывать видосы, где какой-нибудь такой же большой и сильный парень безвольно плюхался на одно колено и вместе с кольцом отдавал себя на растерзание такой же манерной кривляке, как Леночка. И хуже всего, при виде этих сопливых видосов большой суровый Стас нервно тёр переносицу, чтобы не пустить дурацкую слезу. Вот до чего дошло.

И наконец, когда все очевидные и неочевидные великосветские приличия были соблюдены, он привёл её домой. И был ужин при свечах.

И конечно, они готовили его вместе.

– А откуда у тебя столько дрожжей? – внезапно спросила Леночка, открыв холодильник и взглянув на дверцу. Стас прираспахнул было рот, чтобы сказать простую как пятак правду, но мертвенно похолодев, захлопнул.

Ответа Леночка не добилась. Она и не добивалась. Они быстро приготовили что-то несложное, в высшей степени изысканно выпили вина – и как-то постепенно оказались в спальне.

Опустим подробности, в общих чертах они всем известны.

Итак, шел второй час ночи, и Леночка давно уже спала, но

к Стасу сон не шел. Долбанные чуть не сгубившие его дрожжи не шли из головы. В конце концов нервы сдали, Стас поднялся и вышел на кухню.

Открыв холодильник, он выгреб запас дрожжей, потом – на всякий случай – пакетики с базиликом, петрушкой, чёрным перцем горошком, чёрным перцем молотым, красным перцем молотым тоже, мельницы со смесями трав, мешочки с куркумой, карри, шалфеем, тмином, мятой. Всё это он яростно пихал в синий мусорный пакет. Туда же отправились невесть откуда взявшиеся пакетики ванильного сахара, желатина, сахарной пудры, разрыхлителя, и неведомая никому, кроме ведьм и биологов, трава Melissa. Стас понятия не имел, куда ее кладут и для чего. Выяснить не хотелось. Надо было срочно заметать следы. Леночка могла проснуться в любой момент и прийти на кухню, скажем, за стаканом воды.

Вид мешка с пакетиками, однозначно доказывающими наличие у него в прошлом некой не чуравшейся кулинарии бабы мог взметнуться в ночи ядерным грибом первой ссоры.

Стас не хотел ссоры.

Стас предпочёл вопреки очевидному праву на своё прошлое трусливо прикинуться новорождённым девственником.

Так оно безопаснее.

Как был, в трусах и майке, он с бряцанием схватил связку

ключей, закинул на спину мешок и вышел из квартиры.

У мусоропровода воровато курил в кофейную банку сосед, программист Троянский, известный в домовом чате как незаменимый и угрюмый Троян – женатый, трёхдетный и наглухо ипотечный мужик лет тридцати в линялой футболке. При виде Стаса Троян с облегчением вытащил из-за спины недокуренную сигарету и молча кивнул. Кивнул и Стас.

– Сор из избы? – кивнул на мешок Троян.

– Специи, – коротко бросил Стас и пожал протянутую руку. – Есть закурить?

Взглядом указав на валявшиеся на подоконнике пачку и зажигалку, Троян снова уставился на мусорный мешок, топорщившийся уголками пакетиков с сушеными травками.

Стас закурил.

– Ну короче, я девчонку привёл. То-сё... Решили похавать чего-нибудь сообразить. Она открывает холодильник, а там запас дрожжей, как в пекарне: ну, у меня бывшая любила всякое там печь, пирожки, торты, пирожные – вот это всё. Ну и Ленка спрашивает, как понимать, мол, дрожжи в промышленном объеме. А я, прикинь, чуть не ляпнул как есть: типа, "бывшая кухарила, как Макаревич"! Только рот открыл – и чуть не обделался. Вот, думаю, ща бы сказанул! Им же про бывших упоминать нельзя. Бывшие – это ж вне закона! Мы же все девственники до них! Это же у них до нас кто-

то может быть. Мы-то до знакомства с ними все по умолчанию личинками были, это только с ними мы как бы в бабочек превращаемся. Ну, в их девчачьем идеальном мире, по ходу, так. Короче... Как представил, что было бы, если б вовремя не заткнулся! Веришь, прямо вот словно на большом экране увидел, как моя башка вместе с яйцами с балкона летят. Ну, думаю, спасибо, не надо мне таких фестивалей кулинарии! Уснула – встал, сгрёб всё это и вот, в мусоропровод принес бросить. Покойся с миром, товарищ Лаврушка. Эх... Тут одних мельниц килограммов пять, про пакетики я и не говорю! Но, знаешь, наплевать! Лишь бы чего не началось!

– И что там у тебя? – экономически оживился Троян, гася бычок в заросшей пеплом банке.

– Да всё! Вот чё ни назови – точно есть, бывшая моя очень по этой теме стукнутая была. Слушай, может, ты возьмёшь? Жалко выбрасывать! А оставить не могу. Баба другую бабу за версту чует – никаким шалфеем не перешибёшь!

– Давай, чоуш, – с равнодушной готовностью отозвался Троян, без лишних слов закинул мешок на спину и, пожав Стасову ладонь, отправился спать.

Вернулся к себе и Стас. Леночка сладко спала, разметав по подушке пшеничные локоны с остатками завивки.

Осторожно ее обняв, скоро заснул и он сам. Сон его был

лёгок и безмятежен, как у преступника, который надёжно замёл следы.

Троян же радостно водрузил мешок на обеденный стол, предвкушая, как утром обрадует супругу неожиданным ночным уловом.

Мешок смотрелся великолепно. Троян не выдержал и заглянул внутрь. Там и правда было всё, что пожелаешь.

Снедаемый нетерпением, он даже подумал, не разбудить ли жену, но вспомнил, что декрет – не отпуск, что сон многодетной матери тревожен, краток и священен, а разбудив ее, можно внезапно и больно умереть, – так что не стал. Сполоснул в ванной зубы жгучей полоскалкой из таёжных трав и на цыпочках пробрался в спальню.

Жена спала тяжелым окопным солдатским сном.

Троян приткнулся с краю, прикрыл не без труда добытым уголком одеяла зону труселей и стал смотреть в чёрный потолок.

"Бабы, – думал он. – Вот, к примеру, Стасова баба. Ну не коза ли? Вот спит и не знает, что по собственной глупой ревности только что лишилась тонны специй. А ведь это целая коллекция! Тут дело даже не в деньгах... Тут дело в ассортименте. Другая баба собирала, травинка к травинке, пакетик к пакету, сколько времени и труда на это убила, сколь-

ко старания!.. Сколько всего можно приготовить теперь, вернее, она, Ленка эта, могла бы готовить и не задумываться, а есть ли в хозяйстве, скажем, толчёная летучая мышь для какого-нибудь её бабьего зелья вроде борща, а надо ли докупить, к примеру, волокон Туринской плащаницы, а где взять, ну и так далее. Такое наследство тебе другая баба оставила, так нет же. Тебе подавай мужика без пробега! Чтоб и духу другой бабы не было.

А моя-то чем лучше? Трое детей. Верен ей, как блохастый Бобик. А до сих пор меня обнюхивает!.." – додумал он уже засыпая – и провалился в тягучую дрёму.

И снилось ему, как жена недоверчиво обнюхивает его после работы. Как заглядывает в глаза, словно следователь, как щупает лазерной указкой глазное дно, будто адский окулист, допытываясь, не смотрел ли он, Троян, там, на работе, на других женщин. Не засматривался ли на туго обтянутые юбками задницы коллег, не лайкал ли накачанные орехи юных эскортниц в Инстаграме. А он-то ведь, грешен, нет-нет, да и засматривался. И орехи лайкал, чего уж. И сердце Трояна от этих осознаний ухало во сне кладбищенским филином и билось, словно в клетке, – и пятки холодели от ужаса.

«Баба другую бабу за версту чует – никаким шалфеем не перешибёшь!» – вспомнились вдруг слова Стаса, – и Троян вскочил.

Сел.

Уставился во тьму, вытирая футболкой ледяной пот с ку-
черявой груди.

Бросил взгляд на жену.

В льющемся из-за шторы свете фонаря, с разбросанными
волосами и суровым тревожным лицом, это была не жена.
Это была валькирия.

Троян встал на ватные ноги и вышел на кухню.

Дрожащей рукой неловко сгрёб сатанинский синий пакет,
вынес его из квартиры, отворил со скрежетом вонючую пасть
мусоропровода и бухнул в жерло зловещий Мешок Раздора.

Пришел и лег.

Закрыл глаза.

Открыл.

Взял с тумбочки телефон.

И удалил Инстаграм.